

ЛЮБЕН ДИЛОВ

ЗВЕЗДНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

НУМИ И НИКИ

ЛЮБЕН ДИЛОВ

ЗВЕЗДНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
НУМИ И НИКИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН
О ДЕТЯХ И ПОДОБНЫХ ИМ СУЩЕСТВАХ

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ *Перевод В. Куца*

ГЛАВА ПЕРВАЯ 7

ГЛАВА ВТОРАЯ 36

ГЛАВА ТРЕТЬЯ 57

КНИГА ВТОРАЯ *Перевод Т. Митевой*

ГЛАВА ПЕРВАЯ 106

ГЛАВА ВТОРАЯ 129

ГЛАВА ТРЕТЬЯ 155

ПОСЛЕСЛОВИЕ 195

КНИГА ПЕРВАЯ

– Надо очень много знать, чтобы очень верить, – сказала Нуми.

– Дудки! Совсем наоборот, – отозвался Ники, пока они пробирались в чреве загадочного Малогалоталотима. – Верят как раз те, кто ничего не знает.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Вместо введения – немного грамматики.

Ни тыква, ни груша, а дырка есть дырка

Каждый знает, что такое недоразумение. Скажем, договорились два человека встретиться в девять, но один понял так, что встреча назначена на девять часов утра, а другой – на девять вечера, и встреча не состоялась. Потом оба оправдываются: «Произошло недоразумение» или же «Получилось недоразумение». Будто бы оно происходит само по себе или его получают по почте как какое-нибудь неожиданное и неприятное известие.

Слово это придумано для удобства и, надо сказать, слово очень полезное. Не будь его, оба стали бы допытываться, кто из них виноват, и непременно бы повздорили, а так – у них остается возможность для новых встреч. И новых недоразумений.

Происходит оно от древнеславянского слова «разум», но две приставки – «не» и «до» – ясно показывают, что понять случившееся невозможно, – «не до разума», попросту говоря. А вот другая часть этого слова – «мение», подсказывает, что порой нужно особое умение, чтобы не понять того, что тебе говорят, и потом с невинной физиономией сказать: «Извини, произошло недоразумение!»

Вот и автор этой книги спешит принести подобные извинения, так как все случившееся в ней началось как раз с такого вот недоразумения. Это, конечно, неприятно, но автор бессилен что-либо изменить. Не будь этого недоразумения, наверняка все было бы иначе. Такие недоразумения называют роковыми, но они происходят или же случаются. И в этом тоже никто не виноват.

Роковое недоразумение случилось в совсем обычный день, где-то к полудню, так что в нем приняло участие не более десяти человек. Большей частью это были ученики средних и старших классов, которые вволю потешались над уморительным с виду человечком, а еще больше – над его смешной речью.

Даже по голосу можно было определить, что человечку нет еще и двенадцати. Одет он был в нечто вроде скафандра, который сиял и переливался металлическим блеском, словно звезда с новогодней елки. Его фигурку можно было бы назвать стройной, если бы ее не портил вздувшийся на спине довольно внушительный горб, и карманы не оттопыривались бы от спрятанных в них бог весть каких интересных штуковин. Ибо, как известно, в карманах у детей не бывает ненужного или бесполезного. Это только взрослые держат в карманах всякую дребедень наподобие старых квитанций, использованных трамвайных билетов и бумажек с записанными номерами неизвестно чьих телефонов.

Через мутное стекло шлема было видно, как человечек, отчаянно гримасничая, шевелит губами. Похоже, ему было душно в этом неудобном колпаке, но он стоически терпел, так как собравшаяся вокруг него публика щедро воздавала ему за страдания веселыми подначками и здоровым хохотом.

На груди у крошечного космонавта висела блестящая, как и скафандр, металлическая коробка, по которой он то и дело постукивал, отчаянно взывая к публике:

– Но вы почему не хотите понимать?! Я есть другая цивилизация! Это – аппарат-переводчик! Вы мне говорить, я вам говорить, мы – дружба, мир...

Цивилизациям с других планет простительно говорить на языке землян с ошибками. Они, инопланетяне, должны быть уж очень высокоразвитыми, а их переводческие аппараты абсолютно совершенными, чтобы над ними не смеялись земные школьники. Особенно те, кто надеется, что как раз сегодня их не станут спрашивать на уроке грамматики. Уж они-то не дают спуска за подобные ошибки. Так вот, одним из них, единственным, кого автор знал лично, был Ники.

– Не очень-то башковитый у тебя переводчик! – со смехом заявил он крошке-космонавту.

– А где эта ваша цивилизация? – спросил другой, когда затих очередной взрыв хохота.

– О, очень далеко! Я не знаю, как вы называть эта звезда. Очень далеко, – ответил космонавт, указывая блестящей перчаткой в небо.

Но там не было никакой другой звезды, кроме ласково сиявшего осеннего солнца.

– А на чем ты прилетел? На той тыкве? – снова подал голос знакомый автору насмешник.

По-настоящему его звали Николаем Буяновским, но это звучало слишком уж серьезно и весомо, будто имя какого поэта или министра, и потому мальчика никто не решался называть полным именем, а попросту звали Ники или Ники Буян.

– На нем. Это – Малогалоталотим, – ответил маленький космонавт, и этот ответ снова вызвал взрыв смеха, так как упомянутое средство передвижения не походило ни на ракету, ни на космический корабль, ни даже на летающую тарелку.

Если говорить правду, то оно походило разве что на гигантскую тыкву, да и то без черенка. Там и сям оно было покрыто черно-серыми бороздами и бугорками, ну точь-в-точь как те сорта тыквы, что самые вкусные и сладкие. Таковую бы испечь – на всю среднюю школу хватило бы.

Тыква лежала у входа в палату, где проходила выставка научно-технического творчества школьников. Время от времени по ее поверхности пробегала дрожь, отчего казалось, что тыква живая и будто бы дышит, хотя причиной тому мог быть и ветер, если, скажем, это был воздушный шар, из которого выпустили часть воздуха.

– Я правда – другая цивилизация, – опять принялся твердить сверкающий космонавт, но зевакам этот номер уже явно приелся.

Раз уж ты решил удивить публику на выставке научно-технического творчества, так покажи хотя бы настоящую ракету, а не какой-то там полуспущенный воздушный шар!

– Идемте, я покажет...

Однако на тыкве не было никаких дверей, да и вообще никаких отверстий. Может быть, поэтому никто не отозвался на приглашение. Впрочем, войти

туда, куда, казалось, войти невозможно, детям помешал еще и старик-сторож, который появился неведь откуда и еще издали голосом всех сторожей мира закричал:

– Эй! Чо тут происходит?

– У нас гости. Из другой цивилизации, – сообщил ему кто-то, услужливо уступая место в кругу перед потешным человечком.

– Из какой организации? – начал было сторож, но, увидев пришельца, воскликнул: – Смотри ты! Ты чо тут делаешь?

– Чо делаешь? Чо делаешь... – Эта фраза явно затруднила переводческий аппарат космонавта, потому что он снова забубнил свое: – Я – другая цивилизация...

Но сторож почему-то рассердился.

– Ах, так ты еще здеваться! . .

– Здеваться ?.. Здеваться ?.. Что значит здеваться ?

– Ах ты, фулюган, – сторож угрожающе двинулся на человечка. – Тебе кто тут позволил фулюганствовать?!

– Фулюг... фулюг... Я вас не понимать! – признался аппарат-переводчик.

Публика снова развеселилась, предвкушая очередной номер развлекательной программы.

– Щас я тебе покажу, – пригрозил сторож, но остановился, не выполнив своей угрозы, потому что только теперь заметил «тыкву», хотя не заметить ее было трудно. Как известно, все сторожа мира подслеповаты. – А эт чо такое? Эт ты притащил? А ну, собирай свои манатки, чтоб я этой груши не видел! А то тебе не поздоровится! Еще чего вздумал – мешать посетителям.

Он не сказал «чтоб я этой тыквы не видел» вовсе не из-за близорукости, а потому что «тыква» тем временем вытянулась кверху и сейчас действительно больше походила на гигантскую перезревшую грушу.

– Послушай! – став немного покладистей, видимо, внезапно проникнувшись уважением к странного вида «груше», заявил сторож. – Я тебя по-людски спрашиваю: кто тебе тут позволил спектакли разыгрывать? С какого ты кружка? С какой организации?

Однако его «людские» вопросы успеха не имели. Человечек опять заладил:

– Я не организация, я – цивилизация! Я хочет показывать дети Земли...

– Ладно, ладно, – тут уже и сторож засмеялся. – А разрешение у тебя есть? Нету? Комиссию ты прошел? Нет...

– Отведите меня комиссия! – умоляюще попросил его маленький космонавт и, наверное, для пущей убедительности, постучал рукой по коробке-переводчику. Так обычно стучат по приемнику, когда вдруг пропадает звук.

Сторож, казалось, только этого и ждал, потому что его злорадный ответ получился похожим на стихи:

– Эк, хватился ты, милоч!.. Подождешь теперь годок!

Но тук за маленького пришельца вступились дети.

– Дядь, не прогоняй его! С ним так весело...

– Это вам здесь не цирк и не балаган! Это вам национальная выставка, – неумолимо-сурово отрезал сторож и распорядился: – А ну, брысь отсюда! И как только ухитрился дотащить эту бандуру, оболтус!

– Брысь!.. Брысь!.. Оболтус... Оболтус? – в полном замешательстве залопотал космонавт и это окончательно взбесило старика-сторожа, решившего, что его разыгрывают.

Своей огромной ручищей он схватил маленького космонавта за шиворот, с легкостью поднял его, и, встряхнув, как нашкодившего котенка, отшвырнул в сторону тыквы-груши. А у той изменилась не только форма, но и цвет: она вдруг стала гневно-оранжевой, ее оболочка натянулась и «тыква» словно бы запульсировала изнутри, потом стала вытягиваться вверх.

Маленький космонавт не смог удержаться на ногах и упал на одно колено, затем резко вскочил и исчез. Да, он действительно исчез с лица Земли, потому что никто его больше на ней не видел. В «тыкве» по-прежнему не было ничего похожего на дверь или какой-нибудь люк, какие обычно бывают в космолетах. Не напоминая уже ни тыкву, ни грушу, она, быстро вытягиваясь вверх, как какой-нибудь скороспелый огурец, просто-напросто поглотила маленького пришельца, а в следующий миг оторвалась от асфальта и исчезла в блеклом осеннем небе.

— Вот это да-а-а! — Дети от изумления разинули рты.

А сторож только охнул и схватил себя за шею той самой рукой, которой только что отшвырнул маленького космонавта. Он долго сжимал себя за шею, словно боялся, что может свернуть ее, пока все выше задирает голову, глядя вслед космическому кораблю. А в небе и след растаял от таинственной тыквы-груши-огурца. Только там, где она еще недавно лежала, чернела огромная яма. Не то от обиды, не то из желания набраться сил для полета к далеким мирам, «тыква» унесла с собой не только кусок асфальта, но и лежавшие под ним песок и камни.

Позднее ученые со всего мира будут толпиться возле этой дыры. Будут осматривать ее со всех сторон, измерять, брать пробы грунта для анализов. Да только с какой стороны на нее ни смотри, дыра и остается дырой, и ничего другого, кроме того, что она — дыра, про нее не скажешь.

Впрочем, в космосе, говорят, полно всяких других дыр. Ученые называют их «черными», и каких только ужасов про них не рассказывают. Однако никому еще не удавалось заглянуть в такую дыру и узнать, что там есть, зато небывлицы рассказывать все горазды. Так почему бы и нам не присочинить немного!

2

Недоразумение продолжается.

Когда наступает невесомость.

Ники оказывается невероятным

Ясно, что причиной случившегося недоразумения снова оказался язык. Если бы сторож не говорил на своем диалекте и если бы переводческий аппарат маленького космонавта был совершеннее, заявили под конец ученые, встреча двух цивилизаций непременно бы состоялась. А так обе стороны попрекать было не за что.

А сам космонавт, которого приняли за переодетого в скафандр клоуна, пребывал в великой ярости. И, надо сказать, он имел на это полное право. Тот из вас, дорогие читатели, кто пытался убедить людей, что он — представитель инопланетной цивилизации, и ему не верили, знает, как это обидно. Вот почему, снова очутившись в своем летучем овоще, крошка-космонавт первым делом в ярости отшвырнул свой переводческий аппарат.